

**Федоров-Давыдов Александр
Александрович**

Что сердце говорит

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Александрович Ф.**
Что сердце говорит / Федоров-Давыдов Александр Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 114 с.

ISBN 978-5-519-78857-1

ISBN 978-5-519-78857-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II.

Боря вообще мало игралъ съ нами; все больше сидитъ въ сторонѣ и читаетъ что-нибудь. Это насъ еще больше раздражало, — тутъ-то мы его и начинали особенно дразнить.

— Боря, а ты темной комнаты боишься? — надоѣдали мы.

— Ну, конечно, боюсь!.. — откликнулся онъ.

— А изъ окошка ты бросишься?

— Ни за что на свѣтъ!..

А мы тѣмъ же вечеромъ нарочно вталкивали его одного въ темную комнату или подтаскивали къ открытому окну и дѣлали видъ, что хотимъ его выбросить на улицу.

Мальчикъ плакалъ, отбивался, а намъ это было весело и забавно.

Но больше всего онъ боялся воды. Издали рѣку увидеть и весь содрогнется.

— Я видѣлъ разъ, — рассказывалъ онъ, — какъ лошадь въ рѣкѣ тонула. Съ той поры я и боюсь.

— Ха-ха-ха!.. — заливались мы хохотомъ. — То лошадь, а то ты, Зайча бѣлоглазая!..

Вотъ разъ нашъ коноводъ, Володя Смирновъ, здоровый, краснощекий мальчикъ, задумалъ отучить Борю отъ трусости.

Было зимнее морозное утро. Зима только-только стала. Между уроками насъ отпустили въ садъ, гдѣ былъ большой прудъ.

— Кататься! — крикнулъ Володя. — Давайте кататься по льду безъ коньковъ.

— Ура!.. — откликнулись мы въ голосъ.

— И давайте учить уму-разуму Зайчу! — добавилъ Володя.

— Дѣло, дѣло! — завопили мы и бросились къ Зайчѣ.

А бѣдный Боря сидѣлъ у забора, весь съезжившись комочкомъ и прижавшись къ березѣ, опираясь на свою клюшку.

— Зайча, ты — трусь! — заявилъ ему, подбѣжавъ, Володя.

— Да! — прошепталъ испуганный мальчикъ.

— Трусь, трусь, трусь! — заплѣли мы хоромъ.

— Это позоръ, — продолжалъ Володя, — и мы хотимъ тебя отучить отъ этого. Мы тебя потащимъ на рѣку!..

— Оставьте меня! — пробормоталъ мальчуганъ и еще плотнѣе прижался къ березѣ.

Но мы съ хохотомъ, съ криками схватили его кто за руку, кто за плечи и потащили на ледъ...

Боря отбивался отъ насъ, упирался ногами, но съ нами совладать было невозможно.

— Тащи его на самую средину, тамъ прорубь. Пускай приучается къ храбрости! — командовалъ Володя. — Что за телячьи нѣжности!

Онъ бѣжалъ впереди, скользя по льду, и все кричалъ.

— А я ничего не боюсь... и-ахъ... и-ахъ!.. Не боюсь, Зайча! На, вотъ, гляди-и!.. Тащи его сюда, къ самой проруби!.. Ближе, ближе!..

Онъ бѣжалъ задомъ, махая отчаянно руками, не оглядываясь назадъ, а мы, увлеченные суматохой, скользили по льду за нимъ, и вдругъ...

...Господи! Я какъ сейчасъ слышу этотъ трескъ льда, этотъ отчаянный голосъ Володи: — „А-ахъ!.. Помо-ги-те!..“

Въ ужасѣ мы все забыли, бросили Зайчу и вразсыпную бросились дальше къ берегу, не оглядываясь на страшную прорубь, гдѣ барахтался Володя и кричалъ намъ, и звалъ насъ на помощь...

III.

А Зайча и совсѣмъ одурѣлъ, и плакать и кричать даже забылъ. Выпуча глаза, съ минуту смотрѣлъ онъ на черную курчавую голову Володи, а потомъ сталъ на колѣни, легъ на животъ и поползъ къ нему, къ краю проруби...

— Зайча, Зайча, Борька!..—завопили мы издали.—Ты-то хоть убирайся, дура!..

А онъ ползъ и ползъ по льду, протягивая впередъ

свой посошокъ... Ледъ гнулся подъ нимъ, предательски трещалъ и лопался, такъ что трещина убѣгала въ край пруда... Володя охрипъ и выбивался изъ силъ, цѣпляясь руками за скользкіе края проруби...

Все это было дѣломъ двухъ-трехъ минутъ, но намъ казалось, что мы переживаемъ цѣлые годы... Издали къ пруду бѣжали двое нашихъ воспитателей внѣ себя и что-то безтолково кричали намъ, но мы ихъ не слушали, мы такъ и впились глазами въ Володю и въ этого маленькаго, худенькаго мальчика, который весь распластался на льду и протянулъ палку Володѣ. Палка легла съ края проруби на край. Володя поднялся на ней, оперся... Подбѣжалъ нашъ воспитатель, Семенъ Ивановичъ, тоже лежа подобрался къ проруби и вытащилъ Володю.

— Слава Богу!..—крикнулъ Боря совершенно чисто, не заикаясь, и упалъ безъ чувствъ...

IV.

Володя лежалъ въ горячкѣ... Насъ не пускали къ нему; намъ наговорили, что эта болѣзнь прилипчивая, какъ, молъ, войдемъ къ нему, сами такъ же захвораемъ. Мы и сами боялись этого, и не шли къ Володѣ.

...Въ пансіонѣ въ лазаретѣ какъ-то ночью сидѣлка-няня дремала у Володиной кровати... Лампочка слегка освѣщала комнату; было тихо-тихо, какъ въ церкви... И вдругъ няня услышала легкій шорохъ. Она вскинула глаза. Около самой постели стояла сѣрая, маленькая, худенькая фигура въ туфляхъ и ночномъ

халатикѣ. Дрожащими руками, запахивая полы халата, Боря во всё глаза смотрѣлъ на больного, и глаза его такъ и блестяи отъ слезъ.

Няня хотѣла встать и пригрозить ему, но онъ заговорилъ, и какъ заговорилъ, — нѣжно, съ такой любовью, что въ душу проникало каждое его слово:

— Няня, нянечка... не гони ты меня!.. Мнѣ хорошо... я не боюсь ничего... здѣсь... я боюсь только рѣки... я всегда боялся ея... а она меня вылѣчила... няня милая... я уже не заикаюсь... я ровно говорю, какъ и ты, какъ и всѣ... Если бы мама и папа были живы, какъ бы они порадовались на меня!.. А Володя живъ, Володя скоро встанетъ... только я ему не скажу, что я воды боюсь... а то онъ опять натворитъ бѣды... А я здоровъ тоже, няня милая, — почему только не съ кѣмъ мнѣ подѣлиться радостью... ни мама, ни папа не знаютъ о томъ... тѣ, кто любили-то меня такъ!..

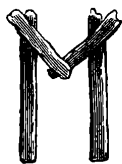
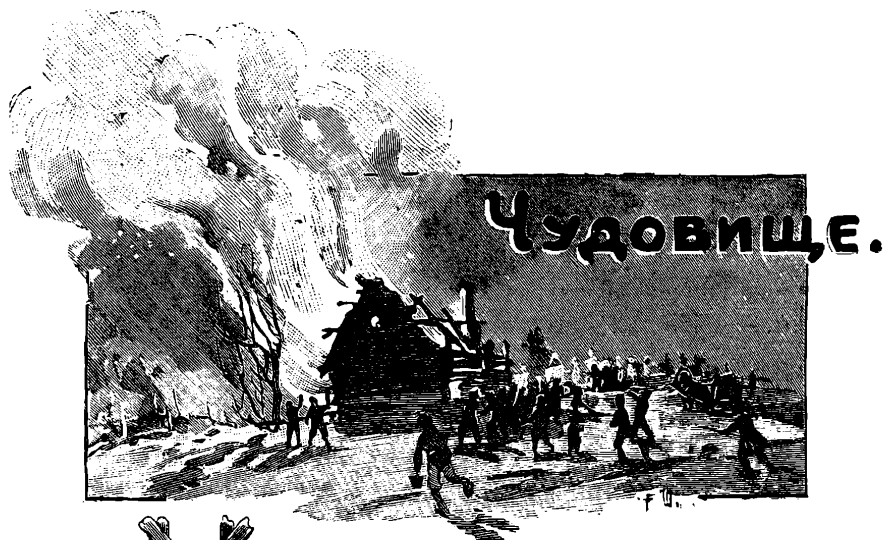
И прижала старушка ребенка къ себѣ.

— Милый ты мой,—заговорила она,—да кто-жъ не любить тебя можетъ?.. У своихъ ты теперь здѣсь, у родныхъ... потому, нѣтъ другому ближе души, какъ та, которой онъ милость оказалъ...

Она гладила его по головѣ, прижимала къ себѣ и любовно слушала, какъ онъ, засыпая у нея на рукахъ, все шепталъ:

— А все-таки я боюсь воды, боюсь и боюсь... Не будь ея, — мы были бы теперь здоровы и Володя не звалъ бы меня трусомъ.

Мы жили съ бабушкой въ деревнѣ и зиму, и лѣто. Мнѣ было въ это время лѣтъ девять. Вотъ какъ-то разъ вечеромъ заходитъ на кухню къ намъ странникъ и просить оставить его ночевать. А съ нимъ былъ мальчикъ, моихъ же лѣтъ. Оба они съ дороги устали; одѣты они были въ какакіе-то лохмотья.

Бабушка и говоритъ:

— Ну, что-жъ, оставайтесь, отдохните.

Ночевали странники у насъ, а на утро наша кухарка пришла и говоритъ:

— А вѣдь у насъ мужикъ-то прохожій заболѣлъ. Говоритъ,—голова у него болитъ; просить остаться еще на день и на ночь.

Подумала-подумала бабушка и говоритъ:

— Что-жъ, пускай остаются еще ночь, отдохнуть немного.

Ночью меня вдругъ разбудила невѣроятная суматоха въ домѣ. Я вскочилъ, какъ встрепанный. Смотрю,—въ комнатѣ свѣтло, какъ днемъ. Бабушка ходить по комнатѣ и крестится.

— Вставай, Шура—говорить,—наказаль насъ Господь: пожаръ у насъ. Горить наша баня.

Я живо одѣлся, и мы съ бабушкой вышли на дворъ. Баня стояла вдали отъ нашего флигеля. Народъ суетился, бѣгалъ съ баграми, съ ведрами; кругомъ кричали, вздыхали, охали.

Мы отошли въ сторону, а бабушка все плакала и крестилась.

Вдругъ прибѣгаетъ къ намъ кухарка и говоритъ со слезами на глазахъ:

— Матушка — барыня, грѣхъ-то какой случился?.. Господи!..

— Что такое?—спрашиваетъ бабушка.

— Вошла я къ вамъ въ комнату, а нашъ странникъ тамъ. Въ рукѣ-то у него топоръ да ломъ. И ломаетъ онъ вашъ комодъ. Я, было, закричала, а онъ на меня и замахнулся топоромъ. Обезумѣла я и бросилась къ вамъ...

Поблѣднѣла бабушка, подозвала нашего старосту, и мы всѣ быстро вошли въ нашъ флигель. Двери были распахнуты настежъ. Одно окно разбито и тоже раскрыто. Въ бабушкиной комнатѣ на полу лежали топоръ и ломъ; крышка комода вся была изрублена въ куски.

Бабушка бросилась къ комоду и схватилась за голову.

Въ комодѣ все было перерыто, взбудоражено, и шка-тулки, гдѣ у бабушки лежали деньги, не было.

— Задержите скорѣй того... мужика!..—крикнула ба-бушка.

Староста и кое-кто изъ нашихъ рабочихъ бросились искать его на кухнѣ, во дворѣ, но странника нигдѣ не было. Его и слѣдъ простылъ.

— Значить, все это сдѣлалъ онъ,—сказала бабуш-ка,— нарочно поджегъ баню; поднялась суматоха, а онъ воспользовался этимъ и унесъ мою шкатулку.

Вдругъ въ комнату ворвался староста и крикнулъ:

— Ось, барыня!..—парнишку его я въ кустахъ пой-малъ!.. Вотъ онъ!..

И староста подтащилъ за руки маленькаго мальчу-гана.

— Гдѣ твой отецъ, Вася?—спросила бабушка.

Мальчикъ плакалъ только и утиралъ руками глаза.

— Ну, говори же, гдѣ отецъ? А?..

— Не знаю,—пробормоталъ мальчикъ и заплакалъ горше прежняго.

Такъ отъ него ничего и не добились и оставили его въ покоѣ. Въ эту ночь мы долго не ложились спать и все толковали о нашемъ несчастьи. Брошеннаго мальчика мы оставили у себя и устроили его на кухнѣ. Бабушкѣ его было ужасно жалко.

Но слушайте, что произошло черезъ мѣсяца два послѣ того.

Прибѣгаетъ какъ-то разъ ко мнѣ мой товарищъ по играмъ, Антошка, однихъ со мною лѣтъ, и говоритъ:

— А слышь... Чудеса-то у насъ какія?

— Ну,—спрашиваю,—что такое?

— А чудовище у насъ появилось на старой мельницѣ.

Мнѣ стало страшно, а я все-таки спрашиваю:

— Расскажи толкомъ, какое такое чудовище?

Антошка мнѣ и говоритъ:

— А помнишь, пожаръ у васъ былъ! Поджегъ тотъ странникъ да и пропалъ. Я знаю, куда онъ пропалъ.

Онъ утопился.

Я вздрогнулъ отъ ужаса, а Антошка продолжалъ:

— Вѣрно тебѣ говорю. Пойдемъ-ка на мельницу. Тамъ привидѣнье его живетъ!..

Мнѣ было страшно, но не хотѣлось передъ Антошкой трусомъ показаться, — вотъ мы и побѣжали съ нимъ къ мельницѣ. А ужъ вечеръ былъ.

Мельница была старая, полуразваленная. Мы часто бѣгали туда, играли тамъ въ прятки. Вошли мы во дворъ, потомъ въ избу. Антошка и говоритъ:

— Вотъ здѣсь, сказываютъ, онъ кладъ зарылъ.

— Кто? — спрашиваю я, а самъ отъ страха весь дрожу.

— А странникъ тотъ...

Вдругъ что-то загремѣло, затрещало; кто-то закричалъ на насъ во весь голосъ... Мы бросились вонъ изъ избы. Антошка успѣлъ выскочить на дворъ, а я зацѣпился за что-то и упалъ на землю.

Чьи-то сильныя руки схватили меня и подняли на ноги.

Я оглянулся. Передо мною стоялъ высокій мужикъ, взлохмаченный, страшный, въ старомъ, сильно поношенномъ зипунѣ. Я взглянулъ въ него и вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Это былъ нашъ странникъ, который поджегъ насъ.

А онъ положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ:

— Барчукъ!.. Смотри, молчи... никому слова не го-

вори, что видѣлъ меня здѣсь. Смотри, не то я тебѣ задамъ...

Но я не слушалъ его. Я вырвался отъ него, закричалъ во весь голосъ и выбѣжалъ вонъ. Антошка меня уже дожидался у воротъ. Мы бросились бѣжать со всѣхъ ногъ отъ мельницы черезъ нашъ садъ домой.

Бабушка сидѣла на балконѣ за чаемъ. Она испугалась страшно,—такой я былъ встревоженный, блѣдный.

— Что съ тобой? Что случилось?—спросила она...

Но ни я, ни Антошка слова не могли ей сказать. До сихъ поръ еще страхъ нашъ не прошелъ. Бабушка насилу усадила меня за чай и сказала:

— Успокойся, Шура, и потомъ расскажи толкомъ, что это съ тобой случилось?..

Но въ это время кто-то вышелъ изъ чащи сада и медленно сталъ подходить къ балкону.

— Кто это?—спросила бабушка.

— Онъ, онъ!—въ ужасѣ закричалъ я.—Тотъ страшный... который поджегъ насъ... Мужикъ-странникъ! Онъ убьетъ меня, бабушка, убьетъ!..

А мужикъ подошелъ къ самому балкону, положилъ на землю какой-то свертокъ въ красномъ платкѣ и повалился бабушкѣ въ ноги:

— Матушка-барыня, — заговорилъ онъ, — прости ты меня Христа ради... Вотъ и шкатулка твоя, и деньги въ ней всѣ цѣлехоньки... Не гнѣвись, что на такое злое дѣло я пошелъ... Каюсь я передъ тобою, какъ передъ Богомъ!.. Верни мнѣ только парнишку моего, Ваську... Изстрадался я, заскучалъ по немъ... Точно мнѣ стало жить безъ него. Дай мнѣ его повидать, а тамъ дѣлай со мной, что хочешь...